

Игорь Лозовский

Жизнь и подвиг геолога Урванцева

Имя Николая Николаевича Урванцева, первооткрывателя Северной Земли, основателя города Норильска, крупнейшего исследователя Таймыра и Арктики, Почетного члена Географического общества СССР, Почетного полярника, почетного члена ряда зарубежных научных обществ, заслуженного деятеля науки, доктора геолого-минералогических наук, автора многих книг известно и почитаемо во всем мире. О нем написано немало книг и статей, сняты кино и телефильмы.

Пятнадцать лет жизни и деятельности этого человека связано с Томском. Здесь он учился и, закончив технологический институт, получил диплом горного инженера-геолога. Здесь он работал в Сибгеолхозе и по его заданию отправился в низовья Енисея искать уголь. Но кроме угля нашел полиметаллы и вместе со студентами заложил город Норильск, которым ныне восхищается весь мир.

Однако мало кому известно, сколько трудностей, невзгод и несправдливости пришлось перенести этому человеку...

Николай Урванцев приехал учиться в Томск в начале века. Его, уроженца города Лукьянова Нижегородской губернии, привел в ~~Сибирь~~ Сибирь простой расчет. В Томске за обучение надо было платить в два раза меньше, чем в центральных городах России. И жизнь тут была дешевле. А ему, сыну мелкого служащего, который не мог рассчитывать на помощь из дому, это было очень важ-

но. Так он стал студентом механического отделения Томского геологического института, надеясь получить диплом инженера-механика.

Но случай сыграл в его судьбе решающую роль. Однажды, зайдя к приятелю в горный корпус, он попал на лекцию по геологии, которую читал профессор Владимир Афанасьевич Обручев. Понравилось. Пришел еще раз, и еще. А затем, сдав все экзамены за первый курс механического отделения, увлекся геологией и перешел на первый курс горного. Слушал лекции и проходил практику под руководством замечательных сибирских геологов П.П. Гудкова и М. А. Усова. С ними он прошел хорошую школу полевых работ, впоследствии ему очень пригодившуюся.

А во время летних каникул зарабатывал себе на жизнь на полевых изысканиях в партиях Томского округа путей сообщения. Так уж получилось, что работал в основном у техника Вячеслава Шишкова, будущего писателя. Много лет спустя в Ленинграде, когда эти оба уже стали знаменитостями, Шишков и Урванцев с большой теплотой вспоминали томский период их жизни.

Еще на студенческой скамье Урванцев заинтересовался старинным сибирским городом Мангазеей. Известно, что в этом далеком северном городе у Ледовитого океана, русские землепроходцы издавна плавяли металл. Неизвестно только было, где они брали руду для плавки. Перерыв уйму книг и журналов, Урванцев узнал, что руду и уголь возили на собаках с низовьев Енисея. С этого времени Урванцев решил посвятить жизнь изучению Севера.

В 1918 году двадцатипятилетний инженер стал одним из основателей первого геологического учреждения в Сибири — Сибирского геологического комитета. Определился там на службу, которую со-

вместал с заведованием горным отделением Томского политехнику-
ма и с изучением литературы о Севере, воспоминаний путешествен-
ников, отчетов разных экспедиций и т.д.

Летом 1919 года по поручению Сибгеолкома Урванцев отправил-
ся в низовья Енисея с заданием найти месторождения каменного
угля, необходимого для обеспечения судоходства по Северным морям.
В те годы Петроград, Москва, другие промышленные центры страны
задыхались без хлеба, а в Сибири его скопилось множество. Но Си-
бирская железная дорога была разрушена и доставить хлеб рабочим
можно было только морским путем. А для кораблей нужен был уголь.*)

Геологическая партия, возглавляемая Урванцевым, была малочис-
ленна и состояла в основном из студентов Томских вузов. Снабже-
ние, выделенное партии, было скудным, но такое уж тогда было вре-
мя. Однако партия Урванцева не только выполнила задание и нашла
месторождение угля, но и нашла богатые выходы полиметаллических
руд, откуда в старину возили руду в Мангазей.

Ездил в низовья Енисея Урванцев и в 1920 году, а в 1921 году
вместе со студентами заложил там первый дом, положивший начало
будущему ~~Урванцеву~~ Норильску. Не знал он тогда, что десятилетия
спустя этот дом станет музеем ~~Норильска~~, и что в нем будет устано-
влена урна с его прахом.

Тогда впервые с ним и случилась беда. По навету недругов и за-
вистников он был обвинен во многих грехах и арестован. Абсурдное
обвинение он отверг, но оставался в заключении. В освобождении
Урванцева большую роль сыграл директор Сибгеолкома профессор М.
А.Усов. При проверке оказалось, что обвинения вымышленные и до-
казательств вины Урванцева нет.

И снова с большой энергией взялся Николай Николаевич за изу-

* Китайцы, знавшие историю, хотели сделать это село. Но Н.Н.Урванцев
главная причина, что война не война, и перешел Россию надо!
(прим. редактора)

чение норильского месторождения полиметаллических руд. Но на этом пути у него появилось много неожиданных препятствий. Высшее начальство из Москвы велело все работы по норильскому месторождению прекратить, поскольку они бесперспективны, ибо находятся вдали от транспортных путей. Урванцеву предлагалось отправиться в устье Лены и искать там уголь.

Но геолог Урванцев был человеком весьма упрямым, он верил в большое будущее норильского месторождения и знал, что в этом металле нуждается страна. Он не согласился с приказом и написал обстоятельное письмо председателю ВСНХ Ф.Э.Дзержинскому, хотя знал, что за такой поступок может тяжело заплатить. Однако на этот раз обошлось. Некоторое время спустя он был вызван в Москву лично к Дзержинскому. Выслушав его, Феликс Эдмундович распорядился изъять разведку норильского месторождения из ведения Сибгеолкома и создать специальную, хорошо снаряженную экспедицию для ведения работ в долине реки Норильки. Чтобы освободить Урванцева от административной работы и хозяйственных забот, начальником экспедиции он назначил одного из своих заместителей - Алилуева, а Николай Николаевич стал научным руководителем экспедиции. Работы пошли успешно и дали большой результат. Можно было ставить вопрос о строительстве промышленного предприятия.

Ряд лет работая в экспедиции, а затем заместителем директора института ^{Север} ~~Арктики~~ по научной части, Урванцев много сил отдал изучению Таймыра. На оленях, собаках, на лодках прошел Николай Николаевич восемь тысяч километров по Таймыру, позитивно открыв ряд месторождений полезных ископаемых. Во время одного из маршрутов, на пути между устьем Пясины и островом Диксон, он нашел почту Амундсена, отправленную в 1918 году на Большую Зем-

лю со своими людьми. Они погибли в пути, уже почти дойдя до жилья лодей. Останки путешественников Урванцев захоронил. Правительство Норвегии наградило Урванцева золотыми часами, а Географическое общество СССР за исследование Таймыра присудило ему золотую медаль Пржевальского.

В 1930 году Урванцев на длительное время оставляет изучение Таймыра. Его отправляют в Ледовитый океан изучить, закартографировать и исследовать землю, на которую еще не ступала нога человека. История эта началась еще в 1913 году, когда русская экспедиция под командованием капитана Б.А. Вилькицкого в Ледовитом океане издали увидела сушу, ранее никому неизвестную и не нанесенную на карты. Что она собой представляла, никто не знал. Архипелаг^{ли это} или остров? Но вскоре началась первая мировая война, и никому не стало дела до неизвестной земли. Между тем, в тридцатых годах интерес к ней был велик, поскольку началось интенсивное освоение Северного морского пути, а эта неисследованная суша располагалась как раз в центре этого пути.

Урванцев хорошо понимал значение поставленной перед ним задачи и тщательно готовился к предстоящей экспедиции. Как научный руководитель экспедиции и единственный специалист из всех четырех ее участников, он хорошо понимал и степень возложенной на него ответственности.

Много трудностей выпало на долю экспедиции. Особенно досаждали белые медведи, впервые увидевшие лодей. Их любопытство иногда создавало критическую ситуацию, когда приходилось с оружием в руках защищать свою жизнь. Но задание было выполнено. Урванцев описал и закартографировал Северную Землю.

лю, провел астрономические, геологические, магнитные наблюдения. По возвращении в Ленинград Урванцев составил карту Северной Земли, архипелага, по площади превосходящего Западную Европу, карта эта вошла во все атласы мира.

За этот трудовой подвиг Урванцев был удостоен высшей награды — только что учрежденного ордена Ленина. Он стал одним из первых кавалеров этого ордена.

После исследования Северной Земли он руководил экспедициями на Ленско-Таймырском и Северо-Земельском районах, зимовал с караванами судов первой Ленской экспедиции у острова Самуила. Вскоре Н.Н. Урванцеву, одному из первых в стране, по сумме опубликованных работ была присуждена степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации.

Во время экспедиций Урванцева средством передвижения служили олени или собаки. На них передвигались люди, перевозились грузы. Но когда объем поисковых работ увеличился, ни олени, ни собаки уже не могли обеспечить перевозку необходимого количества людей и грузов. Николай Николаевич первым поставил вопрос о необходимости применения на севере гусеничных тракторов и автомобилей. Его предложение было принято, но оказалось, что в мире нет машин, которые могли бы работать в тяжелых условиях Крайнего Севера. Для таких машин нужен был особый морозостойчивый металл и незамерзающий бензин. Такой бензин создал выпускник ТПИ М.А. Капельяничев, и это весьма способствовало освоению севера. А для разработки машин было создано специальное конструкторское бюро, главным консультантом которого стал Н.Н. Урванцев. Много пришлось поработать сотрудникам этого СКБ, но были созданы модели машин, которые помогли освоить этот су-

ровый край. Впоследствии, в процессе эксплуатации, они совершенствовались, но начало всему было положено Урванцевым.

За участие в создании машин специального назначения он получил необычную для того времени награду - легковой автомобиль. Это был один из первых автомобилей, изготовленных Горьковским автозаводом.

В середине тридцатых годов Н.Н.Урванцев высказал предположение о наличии в средней Сибири больших запасов нефти, расположенных в полосе от Урала до Норильска. Одна из партий института Арктики под руководством В. Г. Васильева нашла выходы нефти в районе Усть-Балыка^{*)} Тименской области. Намечались разведки более детальные.

В это же время доцент ТПИ Д. М. Шорехов по заданию института Арктики и на его средства вел разведку месторождений каменного угля в Тунгусском бассейне. Этот самый крупный угольный бассейн мира был открыт Сергеем Владимировичем Обручевым, и его предстояло детально изучить. Но неожиданно Шорехов был арестован органами НКВД. Разведку бассейна взял на себя Н.Н. Урванцев.

Он был тогда полн сил, энергии, грандиозных планов, имел большой опыт практической работы и надеялся многое сделать. Но в 1937 году был арестован крупнейший ученый, один из создателей и руководителей Северной научно-промысловой экспедиции, директор института по изучению Севера (института Арктики), выдающийся полярник профессор Рудольф Лазаревич Самойлович (1881-1940). Начались аресты его сотрудников, был арестован и Н.Н.Урванцев.

Очутившись в застенках НКВД и выслушав предъявленные ему

*) С 1964г. - Ифге - Юганск (при редактуре)

У?

нелепые обвинения, он пришел в негодование. По наивности он полагал, что это ошибка, которая вскоре будет исправлена. Его обвиняли во вредительстве, шпионаже, измене родине и требовали назвать соучастников преступной банды.

Тройка осудила его на десять с отбыванием в дальних лагерях. Но тут произошло событие по тем временам совсем невероятное. Елизавета Ивановна, жена Николая Николаевича, сумела добиться пересмотра дела ее мужа в Верховном суде СССР. Урванцев был оправдан в связи с отсутствием доказательств по предъявленным обвинениям и вернулся в Ленинград.

Однако вскоре его снова арестовали по тем же обвинениям. 30 декабря 1940 года после двух с лишним лет предварительного заключения Н.Н.Урванцев был осужден Особым совещанием на восемь лет заключения.

Осужденного Урванцева вместе со многими его соучастниками погрузили в вагоны и отвезли в Карагандинские лагеря на тяжелые физические работы. Тогда ему уже исполнилось 49 лет. Не знал и не ведал Николай Николаевич, отсидевший уже почти четыре года, что придется быть ему заключенным не оставшимся до срока четыре года из восьми, определенных судом, а более четырнадцати, и что свободу он получит только в конце 1954 года.

В жизни Урванцев был скромным и неприхотливым человеком. Многие годы провел он на Крайнем Севере, в экстремальных условиях, приучивших его к воздержанности в питании и в бытовых условиях, закаливших его организм. Все это помогло ему на первых порах перенести суровые условия заключения. К тому же он был человеком сильной воли, не предавался ни иллюзиям, ни отчаянию и находил удовлетворение в труде.

Урванцев хорошо знал, какой недостаток в квалифицированных кадрах испытывает наша страна, но своими глазами видел, как неразумно расточался наш интеллектуальный потенциал на тяжелых физических работах, где крупнейшие инженеры, ученые, врачи тратили силы на изматывающий неквалифицированный труд, не требующий ни знаний, ни квалификации, ни особой сметки. Их, обманутых и очерченных, объявленных врагами народа, запрещали использовать на работе по специальности.

Год шел за годом, прошло много времени со дня ареста, но почти ничего не менялось в жизни заключенного Урванцева. Казалось, все забыли о нем. Но однажды произошло событие, изменившее всю его дальнейшую жизнь. Его этапировали в Норильск, когда-то им открытый, а теперь превращенный в один из крупнейших лагерей.

Только по приезде на место он узнал, что вытребовал его к себе сам начальник Норильского комбината А.П.Завенягин, заместитель наркома внутренних дел.

Урванцев хорошо знал этого человека и в прошлом много раз встречался с ним. Ему было известно, что Амвросий Павлович, сын простого железнодорожного машиниста, окончил Московскую горную академию, где был учеником его учителей по Томскому технологическому институту профессоров В.А.Обручева и Н.П.Чибревского. По окончании учебы Завенягин был директором ряда проектных и научно-исследовательских учреждений, откуда перешел в заместителя к Сергею Орджоникидзе. Был он в свое время и директором знаменитой "Магнитки".

Но не знал тогда Николай Николаевич того, что после смерти Сергея одни его замы были сразу уничтожены, другие отправлены

все же
 подалше от Москвы. Приходилось считатьс^я с тем, что крупные
 специалисты - организаторы производства пока еще были нужны.
 Отправляя Завенягина в Норильск, его недруги полагали, что он
 не справится с установленным комбинатумпланом работ и тогда мо-
 жно будет завершить расправу с этим человеком.

Действительно, прибыв в Норильск, Завеняги застал там хаос.
 Присланные из центра планы явно не соответствовали реальным воз-
 можностям. Получив во время войны права заместителя наркома вну-
 тренних дел, Завеняги использовал эти права и приказал собрать
 в Норильский лагерь всех специалистов, ранее работавших в этих
 краях и затем осужденных. Так попал в Норильск и Урванцев.

Все заключенные специалисты по распоряжению Завенягина были
 размещены в отдельной зоне, им были созданы условия для работы
 по специальности. Неукоснительное наблюдение над нормальным обе-
 спечением быта этих людей вел сам Завенягин. Это способствовало
 не только выполнению производственных планов, но и спасло жизнь
 многим ученым, сотням геологов, металлургов, строителей. Вряд
 ли тогда какой-либо другой город Сибири имел столько специали-
 стов крупного ранга, как Норильск.

*перезаписано
 курс 2009 г.*

Первое время Николай Николаевич работал в лаборатории. - за-
 ключенный Урванцев оставался крупнейшим знатоком геологии нориль-
 ского района. Он просматривал отчеты геологов, собирал образцы
 руд и пород, консультировал отдельных работников. Здесь оказались
 люди, знавшие Николая Николаевича еще по первым годам разведки
 норильского месторождения. В отсутствие исторических они этноси-
 лись к нему с сочувствием, весьма добродушно. Он был рад все
 этому, а главное тому, что остались люди, которые не верят в его
 вину перед страной. Но официально эти люди не могли вступать с

ним ни в какие разговоры и контакты — это было строжайше запрещено инструкцией, за нарушение которой грозили суровые кары, вплоть до заключения.

Однажды заключенного Урванцева конвой доставил не в лабораторию, как это происходило ежедневно, а к начальнику комбината. Завенягин был умным человеком и хорошо понимал, что он чудом избежал участи Урванцева, он знал, как исчезли многие его бывшие сослуживцы и знакомые. Знал он и то, что его судьба зависит от того, как будут идти дела на комбинате. Он не сомневался в том, что многие заключенные отнюдь не преступники, а жертвы лихолетия. Но, несмотря на свой генеральский мундир, говорить это он не смел. Будучи опытным администратором, Завенягин хорошо понимал, что подневольный труд не стимулирует ни инициативы, ни прилежности заключенных, что он малопродуктивен и несоразмерен с трудом вольнонаемного человека.

И он решил обсудить с Урванцевым вопрос о стимулировании труда заключенных специалистов. Освободить или амнистировать их он не мог, таких прав у него не было, но облегчить их участь он хотел. Он решил доверить им руководство отдельными участками работы.

Впервые после ареста Урванцеву человечески беседовал с начальством. Это был простой, деловой, обстоятельный, и, главное, доброжелательный разговор. Впервые Николай Николаевич почувствовал себя человеком, с мнением которого считаются. Он хорошо понимал, что в сложившихся обстоятельствах, в годы начавшейся страшной войны, рассчитывать на чудо не приходится, что сейчас главное не обиды, не поиски правды, а работа, только плодотворный труд может помочь и стране, сражающейся с врагом, и им самим. Работа

дает не только забвение, но и страду душе, во время работы забывается несправедливость, а главное — эти советские люди, и сейчас работа — это их вклад в борьбу с врагом. Об этом он прямо сказал Завенягину.

Завенягин приказав расквиртовать группу заключенных специалистов, поселил их за зонной в квартирах, дал им ответственные посты, установил жалованье. Он хорошо понимал, чем рискует, но был уверен в правильности своего поступка и потом никогда не жалел об этом. Он не побоялся ни спалы, ни деносов, думал только о том, как дать больше продукции, столь нужной для фронта.

Жена Н.Н.Урванцева с первых дней войны была на фронте. Победа застала Елизавету Ивановну ~~в Вене~~ в Вене. По окончании войны она отправилась из Австрии прямо в Норильск, получив назначение на должность ведущего хирурга в госпиталь НКВД в Норильске. Перевод подполковнику медицинской службы из Действующей армии в Норильск устроил начальник комбината Завенягин.

...Так и жили они, он — расквиртованный заключенный, она — подполковник теперь уже не армейской службы, а НКВД...

Урванцев много работал. Как опытный геолог он, вопреки мнению многих, был уверен в перспективах Норильска и всего района. С мнением ряда специалистов было противоположным. Они считали, что Норильск уже выработан и больше средств на него тратить не следует. Рассмотреть этот вопрос поручили представительной комиссии, направленной из Москвы.

Комиссия признала Норильск бесперспективным и рекомендовала закрыть все работы в этом районе. Разумеется, все согласилось, только заключенный Урванцев категорически выступил против решения московской комиссии. Он многим рисковал, ему рекомендовали мол-

чать, но он действовал решительно, эсэверг доводы комиссии и стоял свое детище. Работы по освоению Норильского района продолжались, были открыты новые, крупные месторождения, что еще раз подтвердило прзорливость и компетентность геолога Урванцева.

В 1949 году в Томске были произведены массовые аресты профессоров-геологов. Последовало стандартное обвинение во вредительстве, измене родине, шпионаже и т.д. Но на этот раз арестованных не расстреляли, а сослали в отдаленные лагеря. В Норильск привезли друга Урванцева по учебе в Томском технологическом институте Венедикта Андреевича Хахлова, работавшего в последние годы в Томском университете. Теплой, но не радостной была встреча старых друзей. Один уже сидел второй десяток лет, второй только начинал свой срок. Много вспомнили. Хахлов рассказывал, что арестованы томские геологи профессора Баженов, Булыничков, Кучин, Шахов и другие. Все они осуждены и отправлены в отдаленные лагеря на длительные сроки. Хахлов же попал в Норильск без всякого суда и срока. Просто привезли, и все. Был профессор Хахлов человеком с имором и опекал Урванцева за то, что открыл он Норильск в столь холодном и ветренном месте.

Много сил и времени потратила Елизавета Ивановна в попытках добиться пересмотра дела мужа. Везде ей отказывали, а то и просто не отвечали на ее письма. Все было напрасно. Ходатайствовал за своего ученика и академик В.А.Обручев. Он писал в самые высокие инстанции, характеризуя Николая Николаевича как одного из крупнейших геологов страны, имеющего особые заслуги перед государством, несправедливо и незаслуженно осужденного.

Все было напрасно. Положение изменилось лишь после смерти Ста-

лина. В 1954 году дело Н.Н.Урванцева было пересмотрено. Сохранился уникальный документ - справка УВД по Красноярскому краю, выданная Урванцеву за № 25524 13 сентября 1954 года.

Выдана Урванцеву Николаю Николаевичу, 1893 года рождения, уроженцу г. Лукьянова Арзамасской области, гражданину СССР, по национальности русский, в том, что он осужден Особым Собранием НКВД СССР 30 декабря 1940 года по ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР к лишению свободы на 8 лет. По Постановлению Особого Собрания при КГБ СССР от 24.II.1951 года направлен в ссылку на поселение в Красноярский край. Постановлением прокуратуры СССР МВД и КГБ СССР при Совете Министров СССР от 16 августа 1954 года постановление Особого Собрания при НКВД СССР от 30.II.1940 года и Особого Собрания при МГБ СССР от 24.II.1951 года в отношении Урванцева отменено. Оба дела на основании ст. 5 ст. 4 УПК РСФСР в уголовном порядке прекращены. Урванцев от ссылки на поселение освобожден 23 сентября 1954 года и считается полностью реабилитированным по настоящим делам.

Справка снабжена необходимыми подписями и печатями... Восемнадцать лет спустя после ареста, тюрьмы, лагеря, ссылки Урванцев признан ни в чем не виновным... Ему вернули орден Ленина, которым он был награжден за исследование Северной Земли, вернули и другие награды. В конце того же года Николай Николаевич вернулся в Ленинград и снова начал работать в институте Арктики. Он занимался изучением и описанием геологии и географии Севера, консультировал молодых специалистов.

Учитывая особые заслуги профессора Урванцева и значение его работ для государства, географическое общество СССР избирает

его своим Почетным членом и награждает большой золотой медалью. До него этой награды были удостоены лишь три человека; П.П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.М.Пржевальский и В.А.Обручев.

Урванцев принимает участие во многих научных конференциях и симпозиумах, читает лекции о Севере, о подвиге русских землепроходцев, интенсивно занимается наукой. Его знает и любит народ. Множество писем он получает от молодежи. О нем пишут журналы и газеты, ему посвящаются радио и телевизионные передачи.

Но тень былого тяготеет над ним. Распространяются узорные слухи — у нас ведь невинных не сажают! Эти слухи распространяют его недруги, завистники, неучи, многие из которых прикрыты высокими титулами и званиями. А ведь справку о реабилитации каждому не покажешь.

...Около двадцати лет тесная дружба связывала меня с Николаем Николаевичем. Я часто бывал у него дома в Ленинграде. Мы долго и много беседовали. От него я узнал многое о наших сибирских геологах, о их страшной судьбе, хотя по их заслугам они должны были бы стать самыми почитаемыми гражданами. Рассказывал он и о годах учебы в институте, о становлении геологической службы в Сибири, об освоении Арктики.

Приближалось его 85-летие. Я сказал ему, что намерен написать в Верховный Совет СССР о том, что несправедливо будет, если за Норильск присудили десятки Ленинских и Государственных премий, дали звания Героя Социалистического труда, а конструктор Норильска, сделавший больше всех для этого города, не получил ни одной из этих высоких наград.

Николай Николаевич горько улыбнулся и сказал, что это будет напрасный труд, ибо еще живы и в силе многие из тех, кто его са-

жал, и они сделают все, чтобы награды он не получил.

Однако я не взял его совету и написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Брежневу Л.И. Изложив всю историю дела, я закончил тем, что потомки не поймут, почему за Норильск давали награды всем, кроме его основателя. Долго не было ответа. Затем меня пригласили в одно учреждение и сказали, что без меня знают, что и кому давать. Мне порекомендовали вести себя потише. Тут я и вспомнил слова Николая Николаевича о его могучих врагах.

Умер Николай Николаевич Урванцев в 1885 году на 93-м году жизни. Десять дней спустя скончалась Елизавета Ивановна. Урны с прахом супругов Урванцевых перевезены в Норильск и установлены в городском музее, в том самом доме, который Николай Николаевич построил в мае 1921 года и с которого начался Норильск. Туда же перевезен и его кабинет.

Часть архива и личных вещей Н.Н.Урванцева передана Томскому политехническому институту, со временем в институте будет создана комната-музей выдающегося воспитанника вуза. В библиотеке ТПИ хранятся много книг Н.Н.Урванцева с дарственными надписями. На здании института, где учился Н.Н.Урванцев, будет установлена мемориальная доска. Вторая мемориальная доска будет установлена на здании ТПИ по ул. Усова, 6, откуда весной 1921 года в низовья Енисея отправилась группа студентов во главе с Урванцевым, заложившая там первый дом города Норильска.

Он всегда любил и помнил Томск, город, откуда начался его путь в большую жизнь...